

В. Р. МЕДИНСКИЙ

Иностранцы об опричнине Ивана Грозного

Исследователи, занимающиеся историей опричнины, относят к числу наиболее важных источников об этом периоде записки иностранцев. Это сочинения И. Таубе и Э. Крузе, А. Шлихтинга и Г. Штадена [5; 7; 15]. При этом, хотя в исторических трудах и отмечается, что все иностранные авторы имели «подмоченные репутации», их сведения считаются ценными и достоверными [3. С. 76–78].

Попробуем разобраться в этом вопросе. Прежде всего, необходимо выяснить, на фоне каких событий в России и на международной арене появились записки Шлихтинга, Таубе и Крузе и Штадена.

Как известно, в 1558 г. царь Иван IV Васильевич начал войну с Ливонией за выход в Балтийское море. Первые походы царских воевод в Ливонию оказались удачными. В мае была взята Нарва, в июле — Дерпт. В январе следующего года началась осада Ревеля. Но потом в военных действиях наступил перерыв из-за неудачно подписанного перемирия, во время которого Ливонский орден заключил военный союз с польским королем Сигизмундом II. Однако в феврале 1562 г. русским войскам удалось взять город Полоцк, что было важной победой, поскольку по Западной Двине открывался путь к столице Литвы Вильно.

Успех Ивана IV не мог не вызвать негодования у польского короля Сигизмунда II. Не имея сил взять реванш на полях сражения, он решил использовать излюбленное средство польских политиков — занялся распространением компромата на царя по всей Европе.

Исследователи обнаружили, что во время Ливонской войны европейские страны наводнили «летучи листки», на которых Моско-

вит — Иван IV, выступал в роли пугала, двойника другого «страшилища — Турка», т. е. турецкого султана. Под картинкой значились эпитеты: «жесточайший и ужасный» [4. С. 424]. Таким путем король пытался представить русского государя в образе кровавого тирана и настроить против него европейскую общественность. Он стремился к тому, чтобы Россия оказалась в полной изоляции и не смогла заключить выгодные договоры о военной помощи ни с Англией, ни с Данией, ни со Швецией, ни с Империей.

Кроме того, польские агенты начали вести активную агитационную деятельность среди русской знати, склоняя ее на сторону короля. В итоге некоторые воеводы бежали в Литву, где включились в кампанию по дискредитации Ивана IV. Наглядным примером тому являются письма Курбского к царю и созданное им сочинение «История о великом князе Московском».

К числу подобных сочинений следует отнести и «Сказание» Альберта Шлихтинга, которое некоторые историки считают важным источником по истории опричнины Ивана Грозного [3. С. 77–78].

«Сказание» было обнаружено в Ватиканском архиве в конце XIX в. в виде канцелярской рукописи. С нее была сделана копия и отправлена в историко-археографический институт Петербурга. А. И. Малеин перевел это произведение и опубликовал [5].

Некоторые исследователи склонны доверять всем сведениям «Сказания», полагая, что его автор был очевидцем того, что описывал. Однако данные биографии Шлихтинга вызывают сомнение в том, что он жил в России и случайно прибыл на территорию Литвы в начале 70-х гг. XVI в.

Странности в биографии Шлихтинга заставляют высказать предположение, что он был всего лишь подставным лицом. На самом деле якобы принадлежащее ему «Сказание» было составлено в королевской канцелярии и преследовало только одну цель — напугать нунция Портико злодеяниями Ивана IV и отговорить ехать в Россию.

Папский посол поверил всему, что было написано в сочинении Шлихтинга, и отвез его текст в Рим. Папа Пий V прочитал «Сказание» и воскликнул: «Мы не хотим вступать в общение с такими варварами и дикарями» [5. С. 4].

Название произведения «Краткое сказание о характере и жестоким правлении Московского тирана Васильевича» само за себя говорит о том, что главная его цель состояла в обличении Ивана IV.

В числе первых жертв Ивана IV Шлихтинг называет Дмитрия Овчину. Его якобы заставили выпить огромный кубок меда, когда

тот не смог — отправили в погреб, где его ждали псаря. Они его и задушили. Причина немилости к князю была в том, что он осмелился попрекнуть Федора Басманова «за нечестные деяния с тираном» [5. С. 17].

В русских источниках никаких данных о гибели Дмитрия Овчины-Оболенского нет. Но с лета 1563 г. его имя исчезает из разрядных книг [3. С. 109]. Причин для этого могло быть много: старость, болезнь, смерть от естественной причины, например, от распространявшейся в то время эпидемии холеры.

В «Сказание» имя князя Дмитрия могло быть включено потому, что его род был известен в Литве. В 1534 г. отец Дмитрия попал в плен к королю. Способ убийства князя, вероятно, был придуман автором «Сказания» на основе объединения данных о том, что царь любил угощать на пирах своих гостей кубками с медом или вином, и сведений о гибели князя А. М. Шуйского от рук псарей, зафиксированных в ряде летописей.

Учреждение опричнины в «Сказании» объяснено желанием царя удалиться от дел. Никаких сведений об отъезде его в Александрову слободу нет [5. С. 18]. Это говорит о том, что Шлихтинг не был свидетелем данного события и об учреждении опричнины знал с чужих слов. Видимо, поэтому он полагал, что опричники были набраны из разбойников, и общее их число было не велико [5. С. 20].

Ярко и образно в «Сказании» описана гибель видного боярина И. П. Челяднина-Федорова. Сначала царь якобы его ограбил, а потом практически голого отправил на борьбу с татарами. После возвращения боярина со службы Иван IV пригласил его во дворец, посадил в роскошных одеждах на трон и зарезал. Затем с опричниками поехал во владения Челяднина-Федорова и целый год их грабил [5. С. 21–23].

Исследователи не высказали какого-либо сомнения в том, что такая казнь могла быть в действительности. Им показалось лишь неправдоподобным, что царь целый год грабил владения убитого боярина, поскольку его земли были не столь велики [3. С. 282–283].

В русских источниках нет никаких данных о том, что Иван IV лично расправился с И. П. Челядниным-Федоровым. О последних годах службы этого боярина известно лишь, что в 1566 г. он «ведал Москвой» во время отъезда полков береговой охраны на Оку, и что в 1567 г. был воеводой Полоцка. В это время к нему, как и к И. Ф. Мстиславскому и И. Д. Бельскому, обратился с личным письмом король Сигизмунд II [3; 8].

Напрашивается предположение, что король умышленно решил скомпрометировать видных бояр и воевод в глазах царя и вызвать репрессии в их адрес. Относительно Челяднина-Федорова ему это, видимо, сделать удалось. Его имя исчезает из разрядных книг. Но Мстиславский и Бельский не пострадали.

Поскольку в «Сказании» именно Мстиславский, Бельский и Челяднин-Федоров названы главными царскими боярами и опорой государства [5, С. 23], то напрашивается вывод о связи данного произведения с письмом короля.

Б. Н. Флоря высказал мнение о том, что после Люблинской унии 1569 г. польский король Сигизмунд II начал предпринимать меры по созданию объединенной Восточной Европы под своей короной. Обращаясь с письмами к видным представителям русской знати, он пытался убедить их в том, что Иван IV — деспот и тиран и тем самым вызвать их недовольство против царя [13].

Однако, как известно, большая часть этих писем попала в руки самого государя. Они заставили его подозревать подданных в измене, но данных о том, что он сразу начал против них репрессии, в русских источниках нет.

Не находит подтверждение в источниках и рассказ Шлихтинга о разорении царем Нарвы и Пскова [5. С. 31–32]. В летописях описаны лишь карательные мероприятия в Новгороде, поскольку духовенство и знатные горожане были заподозрены в связях с польским королем.

В заключении «Сказания» Шлихтинг приписал опустошение Москвы огнем и мечом именно Ивану IV, хотя, как известно, это сделал крымский хан Девлет Гирей летом 1570 г. [5]

Вполне вероятно, что король Сигизмунд понимал, что одного «Сказания» Шлихтинга недостаточно для того, чтобы в Европе поверили в тиранию и деспотизм Ивана IV. Необходимы были аналогичные сочинения, составленные другими лицами. Одним из них стало Послание двух лифляндцев И. Таубе и Э. Крузе к Ходкевичу.

Подлинный текст этого произведения до нас не дошел. В архивах Восточной Пруссии были найдены лишь два списка. Они стали известны в исторических кругах в начале XIX в. и были использованы Н. М. Карамзиным, А. Ясинским и другими исследователями. В 1922 г. был опубликован перевод Послания, сделанный М. Г. Рожинским [7].

Историки по-разному оценивают значимость Послания как исторического источника. А. И. Браудо высказал мнение о том, что

Таубе и Крузо были политическими авантюристами. Желая оправдать свое бегство с царской службы в Литву, они решили «прикрыть грехами царя свой собственный позор». В итоге их сочинение стало «ругательством, недостойным России» [1. С. 386–394].

Ю. В. Готье в предисловии к публикации Послания отметил, что оно было написано очевидцами событий, поэтому в нем мало достоверных сведений. Но описание казней, по его мнению, было «плодом разгоряченного воображения авторов». В истолковании достоверных фактов Готье обнаружил фальшь и ложь [7. С. 11–27].

Хотя содержание Послания было явно тенденциозным, некоторые историки активно используют его в своих трудах [3; 9; 11].

Основная цель Послания Таубе и Крузе — убедить европейских правителей в необходимости завоевать Русское государство. Причина, по их мнению, была не только в том, что из-за неслышанной тирании Ивана Грозного население жило в нищете и уничтожалось, но в том, что страна была сильно ослаблена и могла быть завоевана крымскими татарами и турками. Этого христианские государства не должны были допустить.

В Послании рассказывалось об учреждении опричнины, но дата этого события сообщена неверная — не в 1566 г., а в конце 1564 г. [7. С. 31] Ошиблись авторы и в сути опричнины. Они полагали, что ее введение было связано с разделением наследства между сыновьями: опричина — младшему сыну, земщина — старшему [7. С. 35].

Таубе и Крузе, вслед за Шлихтингом, представляли опричнину особым орденом, похожим на монашеский. По их утверждению, опричники носили черную одежду и имели особые атрибуты, отличавшие их от обычных людей. Цель ордена состояла в разорении богатых и знатных людей. Подробно перечислили они имена людей, убитых по приказу царя опричниками [7. С. 37–41].

Исследователи обнаружили, что в этот перечень вошли лица, умершие в разное время и преимущественно своей смертью [7]. Кроме того, общее число жертв по разным городам было сильно завышено. Например, в Твери не могло быть казнено 90 тысяч, а в Новгороде — 27 тысяч. Число жителей в этих городах в то время было существенно меньшим [7].

В Послании достаточно подробно описаны несколько событий: гибель митрополита Филиппа Кольчева, отравление Владимира Старицкого, браки царя и старшего сына. Но в этих описаниях много ошибок. Так Владимир Старицкий неправильно назван братом

Ивана IV по линии отца. На самом деле он был его двоюродным братом. Невеста царя Марфа Собакина не была дочерью незнатного купца Григория Собакина. Ее отца звали Василием, и он был достаточно знатного боярского (особенно в XV в.) рода. Род невесты царевича Ивана Евдокии Сабуровой был не псковским, а костромским [7].

Вполне вероятно, что Таубе и Крузе умышленно исказили прошение невест царя и его сына, чтобы унижить их самих.

Давая сведения о нападении крымского хана на Москву, опустошившего русскую столицу, авторы Послания сделали такой вывод: «Царь лишен могущества и поэтому не мог сопротивляться крымскому хану. Опасность может заключаться в его союзе с турками и татарами. И наоборот, если он будет разбит турками и татарами... разумные люди поймут, что с Божьей милостью и помощью можно завоевать Русское государство, и нет причины бояться таких бедных, раздетых, бессильных людей» [7].

Именно такой хотели представить Россию европейцам Таубе и Крузе. Они полагали, что после нашествия крымского хана в 1571 г. страна уже не сможет оправиться. При этом у них не возникало мысли о том, что христианским государствам следовало бы помочь русским людям в борьбе с крымско-турецкой агрессией. Напротив, они полагали, что следует воспользоваться ослаблением Русского государства и просто завоевать его.

Совершенно очевидно, что в цель Послания Таубе и Крузе состояла в оправдании нападения и завоевании ослабленного Русского государства. Именно к этому стремился польский король Сигизмунд II, который не смог осуществить свои замыслы, поскольку в 1572 г. скончался.

Но призывы, сформулированные в написанных по указанию Сигизмунда сочинениях Шлихтинга и Таубе и Крузе, оказались живучими. Их подхватил и развил Генрих Штаден.

Сочинение Генриха Штадена было обнаружено в конце XIX в. в Прусском архиве г. Ганновер. Но опубликовано оно было только после Первой мировой войны. Первое русское издание, подготовленное И. И. Полосиным, вышло в свет в 1925 г. в серии «Записки прошлого», немецкое — в 1930 г. в Гамбурге.

После публикации «Записки» Штадена стали привлекать внимание исследователей. Многие отмечали бесхитростное изложение событий, связанных с введением опричнины, но указывали на преувеличения, неточности и сбивчивость хронологии [2; 3; 6].

Основное внимание «Записок» уделено опричнине, поскольку автор назвал себя бывшим опричником. Учреждение ее он связал с именем второй супруги Ивана IV Марии Темрюковны. Именно она якобы посоветовала мужу отобрать 500 стрелков и создать из них личную охрану [15].

Однако, как известно, опричники не были стрелками. Стрельцами называли пехотинцев, представлявших собой особый род войск. Поэтому напрашивается вывод о том, что Штаден не очень разбирался в том, кем являлись опричники. Не знал он и причины, по которой была учреждена опричнина, поэтому указал, что царь уехал из Москвы в Александрову слободу из-за мятежа [15. С. 44].

На самом деле в декабре 1564 г. никакого мятежа не было [3. С. 127–134]. Все данные о нем были выдуманы иностранцами, чтобы представить ситуацию в Москве взрывоопасной из-за недовольства подданных царем [15. С. 170–171].

Штаден утверждал, что представители земщины пытались организовать заговор против царя и планировали посадить на престол Владимира Андреевича [15. С. 45]. Но, судя по всему, он лишь передал слухи, которые циркулировали в Польше. Отголосками их стало ухудшение отношения Ивана IV к двоюродному брату, который постоянно пытался оправдаться [10; 12].

Можно даже предположить, что Владимир Андреевич пострадал из-за массовой дезинформации, распространяемой из Польши по указанию Сигизмунда II. Такими же жертвами могли быть и другие видные представители знати, казненные в годы опричнины. После бегства Курбского и его писем царь стал очень подозрительным.

На плохое знакомство Штадена с ситуацией при царском дворе после учреждения опричнины указывает то, что он смог назвать лишь четырех представителей земщины, среди которых Владимир Андреевич и митрополит Филипп, не состоявшие в ней. Так же мало знал он и опричников [15. С. 45].

При этом автор «Записок» уделил много внимания описанию жестоких казней, устроенных опричниками в разных городах [15. С. 48–50]. Но можно ли верить этому, учитывая плохую информированность Штадена в конкретных вопросах? Более вероятно, что все ужасы и издевательства над жертвами были им придуманы для очернения Ивана IV.

Следует отметить, что Штаден вслед за Крузе и Таубе повторил рассказ о псковском предсказателе Микуде, остановившем погром

города опричниками. Но у него это не одетый в лохмотья юродивый, а зажиточный мужик [15. С. 49–50]. Эту же байку повторили англичане Флетчер и Горсей. Есть она и в некоторых русских источниках [15]. Поэтому напрашивается вывод о том, что писавшие о Русском государстве иностранцы были знакомы с сочинениями других авторов и заимствовали из них понравившиеся сюжеты.

При этом Штаден не смог избежать того, чтобы не сообщить и положительную информацию о Русском государстве. О правлении Ивана IV он написал так: «Хотя всемогущий Бог и наказал Русское государство так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет (в данном случае он имел в виду набег Девлет-Гирея 1570 г.), все же нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей державе — одна вера, один вес, одна мера. Только он один и правит, никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне» [15].

Немец достаточно подробно рассказал о материальном положении служилых иностранцев, которое, по его данным, было достаточно хорошим. Каждому давали двор, поместье, деньги для покупки семян и на обзаведение хозяйством, платили ежегодное жалованье и даже выделяли продукты питания и спиртные напитки. Кроме того, любой иностранец мог изготавливать пиво или мед и содержать кабак. Вместе со слугами он освобождался от таможенных пошлин, был волен в своей вере и мог не являться в суд, если с ним решил судиться русский человек [15].

Штаден не смог удержаться от того, чтобы не написать в заключении: «Сильно и неоднократно тянуло меня при этом в Русскую землю, в Москву ко двору великого князя» [15. С. 117].

Эта фраза наглядно свидетельствует о том, что все сведения в «Записках» о творящихся в Русском государстве ужасах в период опричнины были ложью. Сам Штаден сочинением пасквилей на Россию пытался доказать императору Рудольфу свою нужность.

Однако, как отметили исследователи, с середины 70-х гг. XVI в. ситуация в Европе изменилась. Обострившаяся борьба за польский престол заставила Рудольфа увидеть в Иване IV не «зловещего москвитя», а «дружественного государя». Появилась необходимость в положительном сочинении об Иване IV и России. И оно было написано со слов флорентийского купца Джованни Тедалди одним из представителей католического духовенства в июле 1581 г.

Данное произведение было обнаружено в Ватиканском архиве П. Пирлингом. Оно хранилось в бумагах А. Поссевино. Е. Шмурло сделал перевод и опубликовал его [14. С. 121–134].

Е. Шмурло отметил, что итальянский купец с большим сочувствием относился к Ивану Грозному и России в целом. Он хвалил справедливое правосудие, воздержание от вина, гостеприимство и отмечал, что не видел тех ужасов, которые были описаны в сочинении Гваньини, который, как известно, заимствовал информацию из «Записок» Шлихтинга [14. С. 125–134].

Тедальди сообщил, что в Москве было немало людей, знающих итальянский язык. Самим итальянцам было позволено ездить для торговли в Персию. Но иностранных специалистов Иван IV не отпускал на родину, поскольку знал, что обратно их не пропустит через свою территорию польский король [14. С. 133].

Своих священников русские люди очень уважали. Особое почтение они оказывали митрополиту, который жил скромно, в отличие от Римского папы. Заслугой местного духовенства, по мнению итальянского купца, было отсутствие каких-либо еретических учений в стране [14]. Католическое духовенство, как известно, этим похвастаться не могло.

Таким образом, из известия Тедальди можно сделать вывод о том, что «Записки» Шлихтинга и связанные с ними сочинение Гваньини, донесение Таубе и Крузе и труд Штадена содержали массу недостоверных сведений о Русском государстве, Иване IV, опричнине и русских людях. Это были заказные произведения, ставившие цель представить русского царя кровавым деспотом и тираном. По утверждению авторов, он якобы вызывал у знати и простых людей такую ненависть, что они ждали освобождения извне. Это полностью оправдывало любую агрессию против России и порабощение ее одной из западных стран.

Литература

1. *Браудо А. И.* Послание Таубе и Крузе к герцогу Кетлеру // ЖМНПр. СПб., 1890. Октябрь. С. 386–394.
2. *Веселовский С. Б.* Известия иностранцев об опричнине // Исследования по истории опричнины. М., 1963.
3. *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 76–78.
4. *Лурье Я. С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 424.
5. Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934.
6. *Полосин И. И.* Западная Европа и Московия в XVI в. // Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925.

7. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8.
8. Разрядная книга 1475–1605. Указ. изд. Л. 428 об., 431, 434 об.
9. *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
10. *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992 и др.
11. *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975.
12. *Флоря Б.* Иван Грозный. М., 2002 и др.
13. *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 44–45.
14. *Шмурло Е.* Известие Джованни Тедалди о России времени Ивана Грозного // ЖМНПр. 1891. № 5. С. 121–134.
15. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925.

